

А.Ф. Писемский

Полное собрание сочинений

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Ф. Писемский**
Полное собрание сочинений: Том 2 / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2019. – 645 с.

ISBN 978-5-517-83454-6

ISBN 978-5-517-83454-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

а изъ другой скрипку, и начнетъ наигрывать языкомъ «Барыню», или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащить съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ балалайку и, тоже наигрывая языкомъ, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда: «Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ», мальчишки еще подерутся между собой, и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и игрище все!

Между тѣмъ время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галлерей дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая: «пли, пли, пли!». Это они играютъ въ солдаты и воюютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ.—«Поля! Ты опять брата дразнишь?»—кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу итти, но слышу, пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля пренаивно объявилъ, что онъ брата пикой закололъ; ему объясняютъ, что брата стыдно колоть пикой, потому что братецъ маленькій, и, въ наказаніе, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу, и что онъ долженъ сидѣть и смотрѣть книжку съ картинками; а Колю между тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выносятъ ко мнѣ на галерею. Онъ такъ огорченъ, что все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазенки полны слезъ.

— Чтò, Коля, тебя обидѣли?—говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ бы вспомнивъ тяжко-нанесенную ему обиду, горько-горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ кошка, а-а-а, кошка!.. кись, кись, кись!.. — говоритъ ему въ утѣшеніе нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кись, кись, кись!—шепчетъ онъ тихонько.

— Да, батюшка, кись, кись, кись, — повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться. — «Бай, бай, бай!» — начинаетъ напѣвать старуха. — «О, о, о», — окаетъ ребенокъ, а я все еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Фаддей прошелъ ужъ за

квасомъ—значить, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѡаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужинкомъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ, и — не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ, всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу, ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за заслуги, оказанныя еще въ юности, по случаю секретныхъ поѣздокъ верхомъ верстъ за шесть, за пять, въ самую глухую полночь и во всевозможную погоду,—чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей—такой ужъ конь табунный, живъ-сгорѣлъ по своему брату: значитъ, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики-мальчишки, верхомъ на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, на примѣръ, за грибами, а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой да верстъ въ десять конецъ и дастъ назадъ и впередъ.

«Однако что-жъ это оральщики не шабашать?»—думаю я самъ съ собою: но и оральщики отшабашили, ѣдутъ. Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ, снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галереи.

— Здравствуй, Семень, надѣвай шапку. Что скажешь хорошаго?—говорю я.

— Овесъ выкидали,—отвѣчаетъ Семень неторопливо.

— Ну, и слава Богу! Въ-время, значитъ, управляемся; теперь, стало-быть, ямень и ленъ только остался, — продолжаю я.

— Ленъ и ямень остался теперь,—подтверждаетъ Семень. Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо,—замѣчаю я.

Семень вздыхаетъ.

— Не мѣшало бы и дождичка,—соглашается онъ.

Вообще онъ говоритъ какъ-то лѣниво: видно, усталъ; да и... Я, впрочемъ, понимаю, что это значитъ.

— Эй! Кто тамъ?—кричу я:—скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ: ключница выноситъ стаканъ водки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поль-ломтя густо насоленнаго хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семень беретъ стаканъ, крестится и, проговоря:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю! — выпиваетъ сразу и потомъ морщится.

— Закусите,—говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семень отламываетъ небольшой кусочекъ, съѣдаетъ и откашливается.

— Озимь, сударь, нынче, слава Богу, хороши поднимаются,—заговариваетъ ужъ онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хороши, видѣлъ я; и травы, кажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-сь, — подтверждаетъ Семень:—весна-то нынче, сударь, что Богъ дастъ впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождинки перепадаютъ.

— Заморозковъ чтобъ не было—это вотъ скверно для всего,—замѣчаю я.

Семень усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди,—подтверждаетъ онъ.—Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ этакъ съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говоритъ, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ».

(Никола—приходъ, отъ насъ въ сѣверной сторонѣ).

— Неужели каждый годъ это бываетъ?

— Почестъ что каждый годъ, что вотъ я ни живу: Богъ знаетъ, отчего это; кто говоритъ, что пахать начнутъ, пласть поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ: что какъ черемуха цвѣтетъ, такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, какъ и сказать.

— А куда завтра народъ пошлешь?—спрашиваю я его.

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотскій два раза прибѣгалъ: исправникъ его хлестать хочетъ, что дороги долго не чинять.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нечего въ дальній ящикъ, не отвертисься.

— Извѣстно-сь,—соглашается Семень:—за нами хоть бы и безъ васъ,—прибавляетъ онъ:—хоть кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; такъ и надо. Ступай однако, отдыхай, — заключаю я.

Семень сначала пошелъ-было, но потомъ приостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали...—проговорилъ онъ.

— Ну, да; что-жь?

— Наказывалъ я; на этой недѣлѣ общался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаеть ли онъ ригу-то?

— Какъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околоткѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскія хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшого роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо корявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ; но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а, должно-быть, франтоватъ: голова расчесанная, намашенная, въ сурмленной поддевкѣ нараспашку, въ пестрядиной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Чтò это за глупости? — сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значить, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство, —проговорилъ онъ съ умиленной фізіономіей.

— Да кто ты такой? Чтò ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Чтò такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значить, ваше привосходительство, и такъ какъ теперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежели теперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что этта говорили,—разрѣшилъ наконецъ Семень.

— А! Плотникъ! Я и не догадался. Красно ужъ очень говоришь ты, братецъ, — сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежели теперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значить, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно, — сказала я: — только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на знати; я не то, что плуть какой-нибудь, али мошенникъ, я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должонъ сказать: колесо мое большое, ваше привосходительство; должонъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Теперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семень усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ? — дуракъ, такъ сказать, больше ничего! — возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то что...—вмѣшался Семень.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семень Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло,—отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо скрытымъ невниманіемъ и презрѣніемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Братъ ли намъ его?—спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка — глушь: хоть бы изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! — подхватилъ Пузичъ.

— Что жъ ты возьмешь? Какъ твоя цѣна будетъ? — спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство, — началъ Пузичъ: — будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значить, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходить, двѣсти рублевъ серебромъ.

При этомъ Семень мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, благовалъ, что ли? — сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копейки, Семень Яковличъ, взять не могу, — отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя — сто, — сказалъ я, думая, что снесъ сколько возможно много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто—много, помилуйте! Семидесяти рублевъ съ него за глаза будетъ, — произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то что объ семидесяти, а и объ ста рубляхъ, Семень Яковличъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малый ребенокъ не возьметъ! — сказалъ онъ съ такой ужъ фізіономіей, какъ будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! Полно! Что языкъ понапрасну греплешь! — возразилъ Семень, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може, вы сами языкъ понапрасну треплете, Семень Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значить, понимаемъ, съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ, — возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ: согласенъ — хорошо, а нѣтъ — такъ можешь убираться, — сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство, — началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу: — такъ какъ теперича я очень желаю, чтобъ знакомство промежъ насъ было; значить, полто-

раста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ — вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся! — рѣшилъ я.

— Ваше высокородіе, позвольте! — продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу: — кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значить, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку противъ меня уваженья сдѣлаеть.

— Ломается еще туда же, дура-голова, — проговорилъ Семень.

— Ломаться мы не ломаемся, Семень Яковличъ, ужъ это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значить, дѣло выходитъ неподходящее.

— Неподходящее? — повторилъ Семень сердито. — Мало тебѣ, жиду, ста рублей! Двадцать пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-Богу, безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что говорить, — продолжалъ Пузичъ: — сработать можно всяко; только я худого слова, значить, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напередки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь такъ, по своей глупости, сказать, строжайшій, въ настоящемъ видѣ, значить... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенія доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: «что жъ, думаю, буди воля Царя Небеснаго! А я готовъ за-всегда служить господамъ», ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первья двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ-статься, кровянилъ меня; но я по своему чувству, ваше привосходительство, не то что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе — значить, насъ, дураковъ, уму-разуму учать; когда теперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Экая подлая натуришка!» — подумалъ я и молчалъ.

— Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, — продолжалъ опять Пузичъ: — генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощеніе и выкинулъ пятьдесятъ рублей серебромъ лишнихъ. «На, — говоритъ, — тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значить, угодилъ». И эти деньги мнѣ, ваше высоко-

привосходительство, дороже капитала миллионнаго: значить, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почи-вать — больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображались досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, — сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несо-образно, — проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ вздохнувъ: — прощенья, значить, просимъ, — и сталъ молиться, и молился опять долго. — Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ, — про-бурчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! — возразилъ Семень.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, — и пошелъ.

Семень за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воро-тится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, — сказалъ Семень.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, на-бавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, — при-совокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю, — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ, — на-чалъ онъ: — господа, выходитъ, пошли скупые, работы деше-вые... Задаточку ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожа-ловать, — прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько жъ тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ, — отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужъ неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, ко-торые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Чтò въ задатокъ-то хватаешь? Не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! — сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семень Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходить, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь,—проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь,—отвѣчалъ Семень.— Теперь вотъ ты у насъ работу берешь, а тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ очередь, — не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ— знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семень Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи, другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взять, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто-жъ такой? — спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный, — отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говорить! Мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значить. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человекъ, значить, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье, значить, кладемъ ему сполна, — проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникъ мнѣ ужъ совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семень противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима! — проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень хорошо знаютъ, что стройка въ деревнѣ — благодать, самое живое развлеченіе; точно должность

получилъ, приличную своимъ способностямъ: каждое утро сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотреть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлать, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четверть: съ молодымъ парнемъ Матюшкой, толсторожимъ и глупымъ на лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Митюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранить подрядчикъ?—спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается,— отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой — другое дѣло: тотъ его, видимо, уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Чтò? Аль неладно?—спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не достаивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревно около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ, и слѣдовательно онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Чтò, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить,— заговорилъ я.

— Чтò дѣлать-то, батюшка, — отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ: — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ — да! Хоть бы и мое дѣло, нѣ молодой бы молодецъ, а на седьмой десятокъ валить... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать—да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь? — замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.